

Д. С. Мережковский

**Полное собрание
сочинений**

Том 4-5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Полное собрание сочинений: Том 4-5 / Д. С. Мережковский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 576 с.

ISBN 978-5-517-98346-6

ISBN 978-5-517-98346-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III.

АНТИХРИСТЪ.

(ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

ПЕРВАЯ КНИГА.

Петербургская Венера.

I.

— Антихристъ хочеть быть. Самъ онъ, послѣдній чортъ, не бываль еще, а щенять его народилось — полна поднебесная. Дѣти отцу своему подстилають путь. Все на лицо антихристово строятъ. А какъ устроить да вычистять гладко вездѣ, такъ самъ онъ въ свое время и явится. При дверяхъ уже — скоро будетъ!

Это говорилъ старикъ лѣтъ пятидесяти въ оборванномъ подъяческомъ кафтанѣ молодому человѣку въ китайчатомъ шлафроукѣ и туфляхъ на босую ногу, сидѣвшему за столомъ.

— И откуда вы все это знаете? — произнесъ молодой человѣкъ. — Писано: ни Сынъ, ни ангелы не вѣдаютъ. А вы знаете...

Онъ помолчалъ, зѣвнулъ и спросилъ:

— Изъ раскольниковъ, что ли?

— Православный.

— Въ Петербургъ зачѣмъ пріѣхаль?

— Съ Москвы взять изъ домишку своего съ приходными и расходными книгами, по доношенію фискальному во взяткахъ.

— Бралъ?

— Бралъ. Не изъ неволи или отъ какого воровства, а по любви и по совѣсти, сколько кто дастъ за труды наши приказные.

Онъ говорилъ такъ просто, что, видно было, въ самомъ дѣлѣ не считалъ взятки грѣхомъ.

— И ко обличенію вины моей онъ, фискаль, ничего не донесъ. А только по запискамъ подрядчиковъ, которые во многіе годы по небольшому давали, насчитано оныхъ дачъ на меня 215 рублей,—а мнѣ платить нечѣмъ. Нищъ есмь, старъ, скорбенъ, и убогъ, и увѣченъ, и мизеренъ, и приказныхъ дѣлъ нести не могу — бюю челомъ объ отставкѣ. Ваше премилосердное высочество, призири благоутробіемъ щедротъ своихъ, заступись за старца беззаступнаго, да освободятъ отъ онаго платежа неправеднаго. Смилуйся, пожалуй, государь царевичъ Алексѣй Петровичъ!

Царевичъ Алексѣй встрѣтилъ этого старика нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Петербургѣ, въ церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, что близъ рѣчки Фонтанной и Шереметевскаго двора на Литейной. Замѣтивъ его по необычайной для приказныхъ, давно не бритой, сѣдой бородѣ и по истовому чтенію Псалтыри на клиросѣ, царевичъ спросилъ, кто онъ, откуда и какого чина. Старикъ назвалъ себя подьячимъ Московскаго Артиллерійскаго приказа, Лариономъ Докукинымъ; пріѣхалъ онъ изъ Москвы и остановился въ домѣ просвирни той же Симеоновской церкви; упомянулъ о нищетѣ своей, о фискальномъ доношеніи; а также, едва не съ первыхъ словъ,—объ антихристѣ. Старикъ показался царевичу жалкимъ. Онъ велѣлъ ему притти къ себѣ на домъ, чтобы помочь совѣтомъ и деньгами.

Теперь Докукинъ стоялъ передъ нимъ, въ своемъ обрванномъ кафтанишкѣ, похожій на нищаго. Это былъ самый обыкновенный подьячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными строками. Жесткія, точно окаменѣлыя, морщины, жесткій, холодный взглядъ маленькихъ тусклыхъ глазъ, жесткая запущенная сѣдая борода, лицо сѣрое, скучное, какъ тѣ бумаги, которыя онъ переписывалъ; корпѣль, корпѣль надъ ними, должно-быть, лѣтъ тридцать въ своемъ приказѣ, бралъ взятки съ подрядчиковъ по любви да по совѣсти, а можетъ-быть, и клязничалъ, — и вотъ до чего вдругъ додумался: антихристъ хочетъ быть.

«Ужъ не плуть ли?» усомнился царевичъ, взгляды-
ваясь въ него пристальнѣе. Но ничего плутовскаго или
хитраго, а скорѣе что-то простодушное и безпомощное,
угрюмое и упрямое было въ этомъ лицѣ, какъ у людей, одер-
жимыхъ одною неподвижною мыслью.

— Я еще и по другому дѣлу изъ Москвы пріѣхаль,—
добавилъ старикъ и какъ будто замялся. Неподвижная
мысль съ медленнымъ усиленіемъ проступала въ жесткихъ
чертахъ его. Онъ потупилъ глаза, пошарилъ рукою за па-
зухою, вытащилъ оттуда завалившіяся за подкладку сквозь
карманную прорѣху бумаги и подалъ ихъ царевичу.

Это были двѣ тоненькія засаленныя тетрадки въ чет-
вертую долю, исписанныя крупно и четко подьяческимъ
почеркомъ.

Алексѣй началъ ихъ читать разсѣянно, но потомъ все
съ большимъ и большимъ вниманіемъ.

Сперва шли выписки изъ святыхъ отцовъ, пророковъ и
Апокалипсиса объ антихристѣ, о кончинѣ міра. Затѣмъ—
воззваніе къ «архипастырямъ великой Россіи и всей все-
ленной», съ мольбою простить его, Докукина, «дерзость и
грубость, что мимо ихъ отеческаго благословенія написалъ
сіе отъ многой скорби своей и жалости, и ревности къ цер-
кви», а также заступиться за него передъ царемъ и при-
лежно упросить, чтобъ онъ его помиловалъ и выслушалъ.

Далѣе слѣдовала, видимо, главная мысль Докукина:
«Повелѣно человѣку отъ Бога самовластну быть».

И, наконецъ, обличіе государя Петра Алексѣевича:

«Нынѣ же всѣ мы отъ онаго божественнаго дара—са-
мовластной и свободной жизни отрѣзаемы, а также домовъ
и торговъ, землевладѣльства и руководѣльства, и всѣхъ своихъ
прежнихъ промысловъ и древле установленныхъ законовъ,
паче же и всякаго благочестія христіанскаго лишаемы. Изъ
дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ го-
нимы, оскорбляемы и озобляемы. Весь обычай свой и языкъ,
и платье измѣнили, головы и бороды обрили, персоны свои
ругательски обезчестили. Нѣтъ уже въ насъ ни доброты,
ни вида, ни различія съ иновѣрными; но до конца смѣси-

лися съ ними, дѣламъ ихъ навыкли, а свои христіанскіе обѣты опровергли и святыя церкви опустошили. Отъ Востока очи смежили, на Западъ ноги въ бѣгство обратили, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пошли и въ землѣ забвенія погибли. Чужихъ установили, всѣми благами угобзили, а своихъ, природныхъ, голодомъ поморили и, бьючи на правежахъ, несносными податями до основанія разорили. Иное же и сказать неудобно, удобнѣе устамъ своимъ ограду положить. Но весьма сердце болитъ, видя опустошеніе Новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами»...

...«Все же сіе, — говорилось въ заключеніе, — творять намъ за имя Господа нашего Іисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружіемъ Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставитъ насъ Христосъ, Ему же слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

— Для чего ты это писалъ? — спросилъ царевичъ, дочитавъ тетрадки.

— Одно письмо такое же наемни подкинулъ у Симоновской церкви на паперти, — отвѣчалъ Докукинъ. — Да то письмо, найдя, сожгли и государю не доносили и розыску не дѣлали. А эту молитву прибить хочу у Троицы, возлѣ дворца государева, чтобъ всѣ, кто бы ни читалъ, что въ ней написано, знали о томъ и донесли бы его царскому величеству. А написалъ сіе во исправленіе, дабы нѣкогда, пришедъ въ себя, его царское величество исправился.

«Плутъ! — опять промелькнуло въ головѣ Алексѣя, а можетъ-быть, и доносчикъ! И догадалъ меня чортъ связаться съ нимъ!»

— А знаешь ли, Ларіонъ, — сказалъ онъ, глядя ему прямо въ глаза, — знаешь ли, что о семъ твоёмъ возмутительномъ и бунтовскомъ писаніи я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшкѣ донести имѣю? Воинскаго же устава по артикулу двадцатому: кто противъ

его величества хулительными словами погрѣшить, тотъ живота лишень и отсѣченіемъ головы казненъ будеть.

— Воля твоя, царевичъ! Я и самъ думаль было съ тѣмъ явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Онъ сказалъ это такъ же просто, какъ только что говорилъ о взяткахъ. Еще пристальнѣе взглядѣлся въ него царевичъ. Передъ нимъ былъ все тотъ же обыкновенный подьячій, приказная строка; все тотъ же холодный тусклый взглядъ, скучное лицо. Только въ самой глубинѣ глазъ опять зашевелилось что-то медленнымъ усилиемъ.

— Въ умѣ ли ты, старикъ? Подумай, что ты дѣлаешь. Попадешь въ гарнизонный застѣнокъ—тамъ съ тобой шутить не будутъ: за ребро повѣсятъ, да еще прокопятъ, какъ вашего Гришку Талицкаго.

Талицкій былъ одинъ изъ проповѣдниковъ конца міра и второго пришествія, утверждавшій, что государь Петръ Алексѣевичъ — антихристъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ казненный страшною казнью копченія на медленномъ огнѣ.

— За помощью Божьей готовъ и духъ свой предать,— отвѣтилъ старикъ. — Когда не нынѣ, умремъ же всячески. Надобно бы что доброе сдѣлать, съ чѣмъ бы предстать передъ Господа, а то безъ смерти и мы не будемъ.

Онъ говорилъ все такъ же просто; но что-то было въ спокойномъ лицѣ его, въ тихомъ голосѣ, что внушало увѣренность, что этотъ отставной артиллерійскій подьячій, обвиняемый во взяткахъ, дѣйствительно пойдетъ на-смерть, не ужасаясь, какъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ мучениковъ, о которыхъ онъ упоминалъ въ своей молитвѣ.

«Нѣтъ,—рѣшилъ вдругъ царевичъ,—не плутъ и не донощикъ, а либо помѣшанный, либо въ самомъ дѣлѣ мученикъ!»

Старикъ опустилъ голову и прибавилъ еще тише, какъ будто про себя, забывъ о собесѣдникѣ:

— Повелѣно отъ Бога человѣку самовластну быть.

Алексѣй молча всталъ, вырвалъ листокъ изъ тетрадки, зажегъ его о горѣвшую въ углу передъ образами лампадку, вынулъ отдушникъ, открылъ дверцу печки, сунулъ туда бумаги, подождалъ, мѣшая кочергой, чтобъ онѣ сгорѣли до

гла, и когда остался лишь пепель — подошелъ къ Докукину, который, стоя на мѣстѣ, только глазами слѣдилъ за нимъ, — положилъ руку на плечо его и сказалъ:

— Слушай, старикъ! Никому я на тебя не донесу. Вижу, что ты человѣкъ правдивый. Вѣрю тебѣ. Скажи: хочешь мнѣ добра?

Докукинъ не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на него такъ, что не нужно было отвѣта.

— А коли хочешь, выкинь дурь изъ головы! О бунтовскихъ письмахъ и думать не смѣй — не такое нынче время. Ежели попадешься, да узнаютъ, что ты былъ у меня, такъ и мнѣ худо будетъ. Ступай съ Богомъ и больше не приходи никогда. Ни съ кѣмъ не говори обо мнѣ. Коли спрашивать будутъ—молчи. Да уѣзжай-на поскорѣй изъ Петербурга. Смотри же, Ларіонъ, будешь помнить волю мою?

— Куда намъ изъ воли твоей выступить?—проговорилъ Докукинъ.—Видитъ Богъ, я тебѣ вѣрный слуга до смерти.

— О доносѣ фискальномъ не хлопочи, — продолжалъ Алексѣй. — Я слово замолвлю, гдѣ надо. Будь покоенъ, тебя освободятъ отъ всего. Ну, ступай... или нѣтъ, стой, давай платокъ.

Докукинъ подаль ему большой синій клѣтчатый, полинялый и дырявый, такой же «мизерный», какъ самъ его владѣлецъ, носовой платокъ. Царевичъ выдвинулъ ящикъ маленькой орѣховой конторки, стоявшей рядомъ со столомъ, вынулъ оттуда, не считая, серебромъ и мѣдью рублей двадцать — для нищаго Докукина цѣлое сокровище, — завернулъ деньги въ платокъ и отдалъ съ ласковой улыбкой.

— Возьми на дорогу. Какъ вернешься въ Москву, закажи молебень въ Архангельскомъ и частицу вынь за здравіе раба Божія Алексѣя. Только смотри, не проговорись, что за царевича.

Старикъ взялъ деньги, но не благодарилъ и не уходилъ. Онъ стоялъ попрежнему, опустивъ голову. Наконецъ поднялъ глаза и началъ было торжественно, должно-быть, заранѣе приготовленную рѣчь:

— Какъ древле Самсону утолилъ Богъ жажду чрезъ ослиную челюсть, такъ и нынѣ тотъ же Богъ не учинить ли черезъ мое неразуміе тебѣ, государь, нѣчто полезное и прохладительное?

Но вдругъ не выдержалъ, голось его пресѣкся, торжественная рѣчь оборвалась, губы задрожали, весь онъ затрясся и повалился въ ноги царевичу.

— Смилуйся, батюшка! Послушай насъ, бѣдныхъ, вопіющихъ, послѣднихъ рабовъ твоихъ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитяtko красное, церковное, солнышко ты наше, надежда Россійская! Тобой хочеть весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди Божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый! Смилуйся!

Онъ обнималъ и цѣловалъ ноги его съ рыданіемъ. Царевичъ слушалъ, и ему казалось, что въ этой отчаянной мольбѣ доносится къ небу мольба всѣхъ погибающихъ, «оскорбляемыхъ и озлобляемыхъ» — вопль всего народа о помощи.

— Полно-ка, полно, старикъ, — проговорилъ онъ, наклонившись къ нему и стараясь поднять его. — Развѣ я не знаю, не вижу? Развѣ не болитъ мое сердце за васъ? Одно у насъ горе. Гдѣ вы, тамъ и я. Коли, дасть Богъ, на царствѣ буду — все сдѣлаю, чтобъ облегчить народъ. Тогда и тебя не забуду: мнѣ вѣрныя слуги нужны. А пока терпите да молитесь, чтобы скорѣе далъ Богъ совершеніе — буде же воля Его святая во всемъ!

Онъ помогъ ему встать. Теперь старикъ казался очень дряхлымъ, слабымъ и жалкимъ. Только глаза его сіяли такою радостью, какъ будто онъ уже видѣлъ спасеніе Россіи.

Алексѣй обнялъ и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, Ларіонъ! Дасть Богъ, свидѣмся! Христоръ съ тобой!

Когда Докукинъ ушелъ, царевичъ сѣлъ опять въ свое кожаное кресло, старое, прорванное, съ волосяною обивкою, торчавшею изъ дыръ, но очень покойное, мягкое, и погрузился не то въ дремоту, не то въ оцѣпенѣніе.

Ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, худъ и узокъ въ плечахъ, со впалою грудью; лицо тоже узкое, до странности длинное, точно вытянутое и заостренное книзу, старообразное и болѣзненное, со смугло-желтымъ цвѣтомъ кожи, какъ у людей, страдающихъ печенью; ротъ очень маленькій и жалобный, дѣтскій; непомѣрно большой, точно лысый, крутой и круглый лобъ, обрамленный жидкими косицами длинныхъ, прямыхъ черныхъ волосъ. Такія лица бываютъ у монастырскихъ служекъ и сельскихъ дьячковъ. Но когда онъ улыбался, глаза его сіяли умомъ и добротою. Лицо сразу молодѣло и хорошѣло, какъ будто освѣщалось тихимъ внутреннимъ свѣтомъ. Въ эти минуты напоминалъ онъ дѣда своего, Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича въ молодости.

Теперь, въ грязномъ шлафрокѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ на босую ногу, заспанный, не бритый, съ пухомъ въ волосахъ, онъ мало похожъ былъ на сына Петра. Съ похмелья послѣ вчерашней попойки проспалъ весь день и всталъ недавно, только передъ самымъ вечеромъ. Черезъ дверь, отворенную въ сосѣдную комнату, видна была неубранная постель со смятыми огромными пуховиками и несвѣжимъ бѣльемъ.

На рабочемъ столѣ, за которымъ онъ сидѣлъ, валялись въ беспорядкѣ заржавѣвшіе и запыленные математическіе инструменты, старинная сломанная кадиленка съ ладаномъ, табачная терка, пеньковая пипки, коробочка изъ-подъ пудры для волосъ, служившая пепельницей; вороха бумагъ и груды книгъ въ такомъ же беспорядкѣ: рукописныя замѣтки ко Всемирной Лѣтописи Боронія покрывала кучу картузнаго табаку; на страницѣ раскрытой, растерзанной, съ оборваннымъ корешкомъ, *Книги, именуемой Геометрія или Землемѣріе радикасомъ и циркулемъ къ наученію мудролюбивыхъ тщателей*, лежалъ недоѣденный со-